

УДК 82:27-23

ББК 83.3:86.37(2)

ПУТИ БИБЛИИ: К ТРАКТОВКЕ АНТИЧНЫХ И БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. ВОЛОШИНА

Е.Б. СМАГИНА

Институт востоковедения Российской Академии наук
ул. Рождественка, д. 12, г. Москва, 107031, Российская Федерация
E-mail: esmagi54.54@mail.ru

В контексте российской истории начала XX века рассматривается эволюция поэтического творчества Максимилиана Волошина, отражающая становление религиозно-философского мировоззрения поэта-мыслителя. Обсуждается гипотеза о том, что под влиянием трагических событий, войн и революций на смену античным мотивам в творчестве М. Волошина всё чаще приходят библейские, а современные исторические события трактуются им в терминах библейской истории. В связи с этим дается обзор тематики, произведен анализ языка, метрики, образности и стиля поэзии Волошина в различные периоды его творчества. В результате проведенного анализа выявлено, что если ранее поэт нередко стремился привить к русскому силлабо-тоническому стиху античные размеры и строфику, то в творчестве революционных и военных лет несколько раз явно подражает библейской поэзии – переходит к нерифмованному тоническому стиху, где строка делится на два полустихия. Таким образом, античные образы, топосы и метафоры уступают место библейским аллюзиям, сочетающимся с реалистическими подробностями периода террора и массовых расстрелов. Обосновывается положение о том, что Крым-Киммерия, которая ранее была для поэта областью античной ойкумены, обителью древних богов, в послереволюционный период его творчества предстает ареной сбывающихся пророческих и апокалиптических видений Библии. Сама история, ранее по античной традиции изображавшаяся им как циклическая, становится вектором, направленным к гибели. Утверждается, что если в ветхозаветной истории внимание поэта наиболее привлекают пророческие книги, то из Нового Завета, прежде всего из Откровения Иоанна Богослова, он избирает самые мистические образы. При этом с библейскими мотивами сочетаются гностицистические. В качестве примера рассматривается волошинская космическая аллегория Христа как духа, «распятого» в материи, которая восходит к позднеантичным гностицистическим учениям. Сделан вывод, что в рамки библейской традиции укладывается и волошинский мотив надежды на грядущее возрождение России после прохождения через горнило испытаний.

Ключевые слова: античность, апокалиптика, библейские мотивы, религиозная философия, творчество М.А. Волошина, гностицизм, образ Киммерии, поэзия Серебряного века, профетизм, красный террор

THE WAYS OF THE BIBLE: AN INTERPRETATION OF ANTIQUE AND BIBLICAL MOTIVES IN THE WORKS OF M.A. VOLOSHIN

E.B. SMAGINA

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107301, Russian Federation
E-mail: esmagi54.54@mail.ru

This article is about the evolution of the poetic work of Maximilian Voloshin in the context of Russian history of the early twentieth century. It reflects the formation of the religious and philosophical worldview of this poet-philosopher. The hypothesis is discussed that under the influence of tragic events,

wars and revolutions, the biblical motives increasingly replace the antique ones, and the contemporary historical events are interpreted in terms of biblical history. In this connection a general view of the subject is given, as well as an analysis of the language, metrics, imagery and style of Woloshin's poetry at different moments of his creative work. It appears that if earlier the poet often tended to adapt antique verse and strophe to the Russian syllabo-tonic poetry, in the works of the epoch of wars and revolution he imitates the biblical poetry several times, and then he goes on to an unrhymed tonic verse, with the line divided into two hemistichs. Thereby the antique images, topoi and metaphors give way to biblical allusions, combined with realistic details of the period of terror and mass executions. It is proved that Crimea-Cimmeria, which had previously been an area of the ancient oecumene for the poet, an abode of the ancient gods, appears as an arena of the fulfilled prophetic and apocalyptic visions of the Bible in the post-revolutionary period of his work. It is alleged that history itself, which had previously been depicted as a cycle, according to ancient tradition, turns into a vector of destruction. Concerning the Old Testament history, the poet's attention is mostly attracted to prophetic books, and he chooses the most mystical images from the New Testament, chiefly from St John's Book of Revelation. Moreover, some Gnostic motifs are combined with the Biblical ones. The cosmic allegory of Christ as the spirit "crucified" in the matter is considered as an example which goes back to the Gnostic teachings of Late Antiquity. It is also concluded that Voloshin's hope for a future revival of Russia after passing through the crucible of trials also fits into the framework of the biblical tradition.

Key words: Antiquity, apocalyptic, Bible, religious philosophy, works of M.A. Voloshin, Gnosticism, image of Cimmeria, poetry of the Silver Age, prophecy, red terror

DOI: 10.17588/2076-9210.2019.4.177–190

В ранний период одно из центральных мест в творчестве Максимилиана Волошина занимает образ античности. К его анализу неоднократно обращались исследователи, особенно в связи с образом Киммерии, с мотивами эллинской лирики и философской мифологии Платона, а также в связи с библейскими аллюзиями в поэзии Волошина¹, отражающими его профетическое религиозно-философское мировоззрение. Однако многое, на наш взгляд, остается недосказанным.

Рассмотрим, например, стихотворение «Афины» (1901 г.), в котором мы видим достаточно традиционную и условную трактовку античной темы, где чувствуется сильное влияние символизма, связь с которым Волошин не утратил до конца своих дней².

Его стихи изобилуют условными «общими местами», обычными для европейской поэзии образами античной литературы, например нить Ариадны. Но и на фоне этих условностей отчетливо видно стремление к красочности, чувство контура и цвета, выдающее в авторе художника.

¹ См., напр.: Арефьева Н.Г. Максимилиан Волошин и античность. Астрахань, 2000 [1]; Титаренко С.Д. Топос как символическое пространство памяти в автобиографической прозе М.А. Волошина и мифопоэтическая традиция Платона // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 2. С. 186–198 [2]; Заяц С.М. Мифологические и библейские образы в поэзии Максимилиана Волошина в контексте его духовных исканий: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2009 [3]; Пороль О.А., Просвиркина И.И., Дмитриева Н.М. Мотивы начала и конца в библейском дискурсе М. Волошина // Вестник ОГУ. 2014, № 11 (172). С. 68–72 [4].

² См., напр.: Рычков А.Л., Мирошниченко Н.М. Вл. Соловьев в личной библиотеке и творчестве М.А. Волошина // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2. С. 124–161 [5].

М.А. Волошин, пожалуй, слишком веществен, чтобы стать символистом в полной мере. Поэт слишком остро ощущает мир, природу как реальность. Так, растительный мир Волошина очень разнообразен и реалистичен: наряду с символическими лавром, неопалимой купиной и т.п. в стихах присутствует вполне реальная крымская флора: полынь, чабрец, мята, тёрн, миндаль.

Античные мотивы сливаются с образами Крыма – духовной родины поэта. У Волошина очень сильно проявляется сознание того, что Крым не просто побережье тёплого моря, а оконечность Средиземноморья, периферия античности.

Неслучайно в стихотворении «Дэлос» (1909 г.) обитель Аполлона, «каменистые Циклады, Дэлос знойный и сухой»³, так разительно напоминает степной Крым и даже описана схожими словами.

Крым представляется Волошину как нечто вечное, неизменное, история Киммерии – как история умерших веков и народов:

Твоей тоской душа томима,
Земля утерянных богов! [6, с. 165].

1912 г.

Уже в ранний период проявляется историчность поэтики Волошина: поэт не просто пользуется языком и образами истории, он *живет* в истории. Возможно, не слишком смелой покажется здесь параллель с библейским пониманием истории, когда отношения Бога и людей описываются в контексте исторических событий и на языке истории.

С этим свойством тесно связана тема повторяемости, цикличности времени и истории:

Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо. <...>
Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились [6, с. 38].

1904 г.

Здесь можно вспомнить о цикличности космоса и времени как «вечном возврате» в античном миропонимании, о чем говорил, в частности, С.С. Аверинцев⁴.

Цикличность подразумевает постоянство. Античная мифология предстает как нечто порой трагическое, но неизменное и характеризующееся стабильностью, вечностью, как в стихотворении 1907 г. «Грот нимф» (курсив наш. – С.Е.):

В пещере влажных нимф, таинственной и мгливой,
Где *вечные* ключи рокочат в тайниках,
Где пчелы в темноте слагают сотов грани,
Наяды *вечно* ткут на каменных станках
Одежды жертвенной пурпуровые ткани [6, с. 80].

³ См.: Волошин М.А. Стихотворения и поэмы 1899–1926 гг. // Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 108 [6].

⁴ См.: Аверинцев С.С. Образ античности. СПб., 2004. С. 65 [7].

Такой же периодически повторяющейся мифологеме посвящен гимн Аполлону: бог прилетает к югу (очевидно, проведя зиму у гипербореев – это еще один миф, известный по многим источникам, начиная с Гомера), что знаменует приход весны⁵.

Даже трагические события тут мифологичны, они вечно повторяются, а значит, постоянно преодолеваются: трагичны, но неизменны «вопли Деметры» по похищенной дочери, возвещающие осень, близость зимы (это стихотворение 1907 г. написано сапфической строфой)⁶. Трагедия, как ей и положено, включает своего рода катарсис.

В трактовке этой тематики, как нигде более, проявляется пантеизм поэта: ощущение присутствия божества в самой земле Киммерии.

С другой стороны, по мере развития творческого пути М. Волошина всё сильнее оказывается ощущение другой древности и другой вечности — библейской. И пейзаж, и флора нередко напоминают библейские. Так, в стихотворении «Пустыня» (1919 г.) пейзаж Коктебеля ассоциируется у него с ближневосточной пустыней, с явлением Бога Моисею в неопалимой купине.⁷

Пантеизм поэта и свойственный ему синкретизм мировоззрения проявляются даже в трактовке новозаветной священной истории. Яркий пример представляет собой стихотворение 1907 г. «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель». (Волошин и в других случаях обращается в своей поэзии к античным размерам и строфике: структура некоторых стихов, белых или даже рифмованных, подражает древнегреческим формам – так называемой сапфической строфе или алкеевой строфе). Размер стихотворения – галлиямб; согласно римской традиции, это ритм песен галльских жрецов. Самая известная в античной литературе вещь, написанная галлиямбом, – поэма Катулла «Аттис», посвященная оргиастическим обрядам культа богини Кибелы:

Порадейте в честь богини! Поспешите, Галлы, за мной!
 В лес фригийский! В дом Кибелы! Ко святым фригийским местам!
 Там рокочет гулко бубен, там кимвалы звонко звенят.
 Там Менад, плющом увитых, хороводы топчут траву.

 Там безумствует богини вдохновенно-буйная рать! [9, с. 138].

⁵ Καυτιχοί, 1909 г. (автор комментариев переводит это греческое слово как «отзывы, призывы». Если это так, то слово сильно искажено) (см.: Волошин М.А. Стихотворения и поэмы 1899–1926 гг. С. 106–107).

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Библейские истоки, типология библейских и мифологических образов, религиозно-мифологический аспект творчества поэта подробно исследуются в работах Э.С. Менделевича, по заключению которого «библейские образы — привычный способ мышления Волошина. <...> Для Волошина библейские образы являются моделью человеческих отношений, ... моделью личного отношения к коллективным действиям, к реальной истории» (см.: Менделевич Э.С. История в поэтическом мире Максимилиана Волошина. Орёл, 2004. С. 45, 55 [8]).

Даже такую специфическую вещь, как рифмующиеся соседние слова в поэме Катулла (при том, что античная поэзия чуждалась рифмы), Волошин в какой-то мере передаёт в своем стихотворении.

Здесь проявляются обе упомянутые тенденции. Синкретизм: по образцу поэмы, посвященной религиозному обряду, написано стихотворение, описывающее события и обряд совсем другой религии – Страсти Христовы и Пасху. Пантеизм: сама весенняя крымская земля показана как «распятая»:

И лежит земля страстная в черных ризах и орарях.

.....

Здравствуй, ты, в весне распятый, мой торжественный Коктебель! [6, с. 89].

Другой пример – причастие солью («Причащусь я горькой соли задыхающейся волны»), образ, использованный и в позднейшей лирике:

Кто предпочел причастье соли
Причастью хлеба и вина [10, с. 557].
1912 г.

Есть образы, где органически соединяются ветхозаветная и новозаветная символика Храма:

И ветви тянутся к просторам,
Молясь Введению Весны,
Как семисвечник, на котором
Огни еще не зажжены [6, с. 160].
Февраль 1910 г.

Тенденция к синкретизму (черта популярных тогда философских течений) проявляется, например, в трактовке такой темы, как знание: и к библейскому, и к античному наследию можно отнести представление о познании как опасном пути. В стихотворении 1904 г. из цикла «Когда время останавливается» строчка «Лампу Психеи несущу я в руке – / Синее пламя познания» [6, с. 38] намекает на миф, где знание об истинной природе супруга приводит Психею к изгнанию. В других стихах того же года мы видим аллюзию на библейскую историю грехопадения: «И мир, как Ева, соблазнен» властью рукотворных вещей и машин, противопоставляемых здесь стихиям и живой природе» [6, с. 54].

В стихотворении «Второе письмо» (1904–1905 гг.) строки, насыщенные античными образами («Я здесь брожу как тень Аида», «душа безрадостна, как Лета»), завершаются появлением типичной апокалиптической фигуры, вышедшей то ли из книг Пророков, то ли из «Откровения Иоанна Богослова»:

Некий встал с востока

В хитоне бледно-золотом,
 И чашу с пурпурным вином
 Он поднял в небо одиноко

 Он в мире чью-то кровь пролил [б, с. 68].

В венке сонетов «Corona Astralis» (1909 г.) античные и новозаветные мотивы не только противоборствуют, но и близко соседствуют, как бы перетекая друг в друга:

Податель света – Феб
 Дает слепцам глубинные прозренья.
 Скрыт в яслях Бог. Пещера заточенья
 Превращена в Рождественский Вертеп [б, с. 124].

С 1905 г., года первой революции, в стихах Волошина звучит предвидение ещё более грозных событий. Поэт излагает свои предчувствия на языке и в образах истории:

Пред тем как сбылись Мартовские Иды,
 Гудели в храмах медные щиты...
 Священный занавес был в скинии распорот:
 В часы Голгоф трепещет смутный мир... [б, с. 251].
 1905 г.

В этот период в творчестве Волошина увеличивается доля библейских образов, появляется терминология, лексика и образность пророческих книг Библии.⁸ Высокая символичность, тем не менее, достаточно органично сочетается с вещественностью, реалистичностью пейзажа и вниманием к природе, к конкретным деталям. Так, цикл 1906 г. называется «Звезда Полынь». Имеется в виду, естественно, известный апокалиптический образ, но также и ночная картина степного Крыма, где звездное небо и полынь не символы, а реальные элементы ландшафта.

В период грозных исторических событий в стихах Волошина всё чаще проявляются пророческие мотивы, характерные для исторических и пророческих библейских книг:

И нет в мирах страшнее доли
 Того, кто выпил боль до дна,

⁸ Неслучайно поэт в 1919 г. говорит о себе: «Во время Войны и Революции я знал только два круга чтения: газеты и библейских пророков. И последние были современнее первых» (цит. по: Рычков А.Л., Мирошниченко Н.М. Вл. Соловьёв в личной библиотеке и творчестве М.А. Волошина. С. 135).

Кто предпочел причастье соли
Причастью хлеба и вина.
Ужаленного едким словом,
Меня сомненья увели
Вдоль по полям солончаковым,
По едким выпотам земли.
«Вы соль земли!» В горячей соли
Вся мудрость горькая земли.
Кристаллы тайной, темной боли
В ней белым снегом процвели.
Я быть хотел кадильным дымом.
Меня ж послал Ты в мир гонцом
В пустыне пред Твоим лицом
Ослепнуть в блеске нестерпимом [10, с. 557].

1912 г.

Примечательно, что соль здесь тоже представлена и как библейский символ, и как реалья, подробность пейзажа.

Библейские термины применяются к современным историческим событиям. В стихотворении 1915 г. «Газеты» бедствия и ярости войны, описываемые в газетах, получают библейскую окраску: «бродила мщенья, гроздя гнева»⁹. Схожий образ не раз появляется в стихах о трагических событиях:

Ангел непогоды
Пролил огонь и гром,
Напоив народы
Яростным вином [6, с. 225].

1914 г.

Образ чаши с вином ярости Божьей, которое пьют все народы, переходит из одной библейской книги в другую¹⁰. Ярким примером, характерным для творчества поэта, может служить следующий отрывок:

Ах, не грозды носят – юношей гонят
К черному точилу, давят вино,
Пулеметом дробят их кости и кольем
Протыкают яму до самого дна [6, с. 339].

Следует отметить, как органично сочетаются здесь библейский символ и ужасающие реальные подробности массовых расстрелов.

В годы Первой мировой войны её события и сама атмосфера преломляются в трактовке библейской тематики. Неслучайно цикл о войне и революции

⁹ См.: Пс 75; Откр 14:18–19; Ис 63:1–6.

¹⁰ См., напр.: Пс 75:9, 60:5; Иер 25:15–28; Откр 14:10.

называется «Неопалимая купина». Следует заметить, что сегодняшние исторические события поэт воспринимает не просто как параллель событиям древности, но и как их повторение согласно законам истории. В стихотворении «Деметриус император» (1917 г.) царевич Дмитрий возрождается в Лжедмитриях и обещает снова прийти «через триста лет» (т.е. в эпоху революции). В этом можно видеть не только отзвуки позднебиблейского понимания истории как ряда типологически сходных периодов, но также и гностическую идею периодического воплощения «антимессии».¹¹

Война трактуется не просто как бедствие, а как бедствие библейское, космическое – аналогия Всемирного потопа:

И я, как запоздалый зверь,
Вошел последним внутрь ковчега [6, с. 224].
август 1914 г.

Из новозаветных сюжетов поэт обращается к наиболее мистическим, порой изображая себя уже не как пророка, а как апокалиптического духовидца:

В начальный год Великой Брани
Я был восхищен от земли [6, с. 230].
1914 г.

Помимо очевидной аллюзии на «Откровение Иоанна Богослова», здесь Волошин обращается к свидетельству ап. Павла о человеке, который «был восхищен до третьего неба» (2Кор 12:2–5). Мотивы грядущей эсхатологической битвы (Откр 14:12–16) развиваются в стихотворении, озаглавленном названием места этой битвы «Армагеддон» (1915 г.).

Что касается ветхозаветных сюжетов, то Волошин чаще всего обращается к книгам Пророков. Стихотворению «Усталость» (1915 г.) прямо предпослан эпиграф из Ис 42:3. Стихи избилуют не только аллюзиями, но и почти прямыми цитатами из пророков, например:

Не ты ли
В минуту тоски
Швырнул на землю
Весы и меч
И дал безумным
Свободу весить
Добро и зло?
Не ты ли

¹¹ М.-А. Альбер на примере образа Иуды также показывает, что метафизическими параллелями для историософии поэта послужил не только библейский канон, но и апокрифы, в том числе гностические (см.: Albert Marie-Aude. Le Judas de Maksimilian Vološin: pierre d'achoppement ou pierre angulaire de l'Évangile? // *Revue des études slaves*. 2006, vol. 77, iss. 4, pp. 611–626 [11]).

Смесил народы
Густо и крепко,
Заквасил тесто
Слезами и кровью
И топчешь, грозный,
Грозды людские
В точиле гнева?
Не ты ли
Поэта кинул
На стогны мира
Быть оком и ухом? [6, с. 234]

Тематика, образность и сам язык библейских книг чаще всего применяются поэтом к революции и террору, которому Волошин, в частности, был свидетелем в Крыму¹².

Здесь библейские параллели прослеживаются не только в тематике и терминологии, но и в самой поэтической форме. Как в крымских стихах Волошин вводил в русскую поэзию античную метрику и строфику, так теперь он явно обращается к формам библейской поэзии. В библейских стихотворных текстах каждый стих делится на два примерно одинаковых по длине полустушия, размер тонический, обычно с двумя или тремя основными ударениями в каждом полустушии. В размере процитированного стихотворения (отсутствие рифмы, укороченная строка в 2–3 слова, отступление от силлабо-тонического стиха к тоническому) можно предположить подражание метрике библейской поэзии.

Еще более отчетливо это проявляется в стихах, посвященных террору:

Отчего пред рассветом к исходу ночи
Причитает ветер за Карантином: –
«Носят ведрами спелые грозды,
Валят ягоды в глубокий ров.
Ах, не грозды носят – юношей гонят
К черному точилу, давят вино,
Пулеметом дробят их кости и кольем
Протыкают яму до самого дна.
Уж до края полно давило кровью,
Зачервленели терновник и полынь кругом...» [6, с. 339].

1921 г.

В описаниях массовых расстрелов эта форма библейского стиха может сочетаться с чисто бытовыми подробностями:

¹² Так, в 1919 г. Волошин писал: «Только в Библии можно найти слова, равносильные пафосу, нами переживаемому» (см.: Волошин М.А. Видение Иезекииля // Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. VI. Кн. 2. М., 2008. С. 52 [12]).

Собирались на работу ночью. Читали
 Донесенья, справки, дела.
 Горопливо подписывали приговоры.
 Зевали. Пили вино.
 С утра раздавали солдатам водку.
 Вечером при свече
 Выкликали по спискам мужчин, женщин.
 Сгоняли на темный двор.
 Снимали с них обувь, белье, платье.
 Связывали в тюки.
 Грузили на подводу. Увозили.
 Делили кольца, часы... [б, с. 340].
 1921 г.

Кстати, и сам исторический процесс в большой мере утрачивает свою стабильность и цикличность. Вместо круга история оборачивается вихрем, несущимся неведомо куда. Строки о крестных муках, лишенных воскрешения, написаны весной 1921 г. в стихотворении «Красная Пасха»:

Зима в тот год была Страстной неделей,
 И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
 Но в ту весну Христос не воскресал [б, с. 343].

Однако идея периодичности, повторяемости событий не оставляет Волошина. В цикле «Термидор» (1917 г.) он обращается к Французской революции, но снова развивает тему пророчества, и стихи насыщены образами из Пророков и Откровения.

Здесь следует сказать еще об одной черте мировоззрения Волошина: его гностической окраске. «Гностический гимн Деве Марии» (1907 г.) объединяет и христианские, и индийские, и античные мотивы, что сопровождается игрой слов, явно подразумевающей символическое значение.

Некоторые стихи позволяют предполагать, что поэт был знаком не только с трактовыми гнозиса в философии и теософии той эпохи, но и непосредственно с публикациями источников по гностицизму:

Смертью утверждаю
 Бессмертье бога, распятого в веществе [10, с. 543].
 1907 г.

Это уже совершенно гностическая фраза, почти цитата. Распятие Христа гностики трактовали, помимо прочего, в космическом смысле – как символ божества, распятого в материальном мире. В ранних переводах гностических текстов «вещество» – перевод греческого термина *ὕλη* («материя»).

В стихотворении без названия 1910 г. мы находим чисто гностическое толкование грехопадения первых людей: «... змий, / Что в нас посеял волю к свету» [6, с. 148].

Для гностиков знание – категория настолько безусловно положительная, что познание добра и зла они не могли считать грехом. В разных гностических школах и в разных формах развито учение о том, что в змие воплотилось божество, желавшее просветить людей, которым низший демиург материального мира не давал доступа к высшему знанию. К этой теме обращен, например, фрагмент стихотворения 1926 г.:

Для лжи необходима гениальность.
Но человек бездарен. И напрасно
Его старался Дьявол просветить [10, с. 564].

Стихотворение «Иуда-Апостол» (1919 г.) также посвящено теме, развитой в учениях некоторых гностических школ. При тенденции гностиков толковать священную историю в противоположном смысле предательство Иуды становится выполнением веления Иисуса. У Волошина Иуда вообще предстает как некий «Спаситель № 2», принявший на себя все грехи мира¹³. Возможно, здесь можно усмотреть параллель со страдающей Россией, которая, пройдя через кровь и грязь войн, революций и террора, должна очиститься и спасти мир (есть в творчестве Волошина и такой мотив).¹⁴

Вообще, толкование Библии, точнее, библейской священной истории, «с точностью до наоборот» – одна из самых характерных черт гностических учений. В позднейшем творчестве Волошина терминология и сюжетная линия библейского рассказа о сотворении мира преобразуются в тему технического развития человечества, «машинного» прогресса как ложного пути. Стихотво-

¹³ Сама по себе такая концепция была не нова: уже со II века существовали раннехристианские (гностические) школы, по чьей концепции Иуда совершил свое «предательство» по Божьей воле и по прямому велению Иисуса. Волошин много раз обращался к этой мысли и в своей прозе. Так, в лекции 1907 г. «Пути Эроса» он поясняет: «Рядом с жертвой Христа — подвиг Иуды. В этом указание и великий символ, ... он становится высшим среди двенадцати, самым мощным, самым посвященным из Апостолов» (см.: Волошин М.А. Пути Эроса // Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. VI. Кн. 2. М., 2008. С. 235 [13]).

¹⁴ Самая недавняя работа, где исследуется образ Иуды у Волошина – это статья А.С. Аристовой в «Новом филологическом вестнике» (см.: Аристова (Тинникова) А.С. Образ природной стихии в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина» // Новый филологический вестник. 2017. №3 (42). С. 132–133 [14]). Автор возводит концепцию Волошина к воззрениям «еретической секты каинитов», но следует отметить, что подобного толкования образа Иуды придерживалась, судя по ересиологическим источникам, не только данная группа. Иуда предстает своего рода «демоном истории» и духовным родоначальником «печально известных русских бунтарей» (Gibson A. The Image of Judas in the Work of M.A. Voloshin // *The Russian Review*. 1998. Vol. 57, № 2. April. P. 277 [15]).

рение «Левиафан» (1915 г.) развивает образ из гл. 40 кн. Иова¹⁵. Но у библейского чудовища проявляются черты, которые роднят его с машиной:

В звериных недрах глаз мой различал
Тяжелых жерновов круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцание зерцал,
И беглый огонь, и молний излученье [10, с. 57].

Машинной цивилизации – как греха человечества, как чудовищного явления – противопоставляется вечная, девственная и неизменная природа древней земли – идеализированной Киммерии.

В творчестве 20-х годов поэт подробно развивает тему превратного, порочного хода истории. В поэме «Путями Каина» (1923 г.) начало представляет собой перетекстовку «Иоаннова пролога» («В начале было Слово»), с точки зрения верующих, может быть, даже кощунственную:

В начале был мятеж, Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось чрез мятеж [10, с. 7].

Революция представлена извращением, почти антитезой священной истории – на это прямо указывает одно из заглавий: «Какангелие (т.е. «злая весть») от Маркса» (1927 г.). Научное исследование природы трактуется как её омертвление, а Каин – как «культурный антигерой», насадивший машинную цивилизацию. (Надо сказать, гл. 4 кн. Бытия дает почву для такого толкования: здесь Каин представлен как отец родоначальника кузнецов, то есть тех, кто работает с металлом, и основатель первого города (Быт 4:17,22)). Он же предстанет основоположником кровавых мятежей под девизом «Свобода, братство, равенство или смерть».

Машинная цивилизация в этих стихах – путь страданий, путь построения ада на земле. Даже книгопечатание, в отличие от древней письменности «вручную», оказывается бесовским творением и носителем греха:

Полезный ремингтон, болтливая бумага,
Распутная печать
Из сонма всех бесов, рожденных в Вавилоне... [10, с. 563].

Впрочем, нельзя не сказать, что одним из постоянных мотивов остается тема искупления страданием и веры в мессианское грядущее России. Она соче-

¹⁵ В ряде сборников «Левиафан» публиковался с эпитафией из Книги Иова (Иов 41:16,26): «Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов ... На все высокое он смотрит смело, Он царь надо всеми сынами гордости» [10, с. 657].

тается с мотивом единства истории и человечества, воплощенным у Волошина в прошлом и настоящем его духовной родины, Киммерии-Крыма:

Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас [10, с. 82].
1926 г.

Список литературы¹⁶

1. Арефьева Н.Г. Максимилиан Волошин и античность. Астрахань, 2000. 169 с.
2. Титаренко С.Д. Топос как символическое пространство памяти в автобиографической прозе М.А. Волошина и мифопоэтическая традиция Платона // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 2. С. 186–198.
3. Заяц С.М. Мифологические и библейские образы в поэзии Максимилиана Волошина в контексте его духовных исканий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2009. 21 с.
4. Пороль О.А., Просвиркина И.И., Дмитриева Н.М. Мотивы начала и конца в библейском дискурсе М. Волошина // Вестник ОГУ. 2014. № 11(172). С. 68–72.
5. Рычков А.Л., Мирошниченко Н.М. Вл. Соловьев в личной библиотеке и творчестве М.А. Волошина // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2. С. 124–161.
6. Волошин М.А. Стихотворения и поэмы 1899–1926 гг. // Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 11–424.
7. Аверинцев С.С. Образ античности. СПб., 2004. 480 с.
8. Менделевич Э.С. История в поэтическом мире Максимилиана Волошина. Орёл, 2004. 224 с.
9. Катулл Гай Валерий. Аттис // Катулл Гай Валерий. Книга стихотворений. М., 1986. С. 137–141.
10. Волошин М.А. Стихотворения и поэмы 1891–1931 гг. // Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 2. М., 2004. С. 7–637.
11. Albert Marie-Aude. Le Judas de Maksimilian Vološin: pierre d'achoppement ou pierre angulaire de l'Évangile? // Revue des études slaves. 2006. Vol. 77, issue 4. P. 611–626.
12. Волошин М.А. Видение Иезекииля // Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. VI. Кн. 2. М., 2008. С. 52–53.
13. Волошин М.А. Пути Эроса // Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. VI. Кн. 2. М., 2008. С. 208–235.
14. Аристова (Тинникова) А.С. Образ природной стихии в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина» // Новый филологический вестник. 2017. № 3(42). С. 123–136.
15. Gibson A. The Image of Judas in the Work of M.A. Voloshin // The Russian Review. 1998. Vol. 57, No. 2 (April). P. 264–278.

References

1. Aref'eva, N.G. *Maksimilian Voloshin i antichnost'* [Maximilian Voloshin and Classical Antiquity]. Astrakhan', 2000. 169 p.
2. Titarenko, S.D. Topos kak simvolicheskoe prostranstvo pamyati v avtobiograficheskoy proze M.A. Voloshina i mifopoeticheskaya traditsiya Platona [The Topos as a Symbolic Space of Memory in the Autobiographical Prose of M. A. Voloshin and Plato's Mythopoetic Tradition], in *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*, 2017, vol. 14, issue 2, pp. 186–198.

¹⁶ Пользуюсь случаем выразить благодарность Александру Леонидовичу Рычкову за его дополнения и помощь в подборе и анализе научной литературы на обсуждаемые темы.

3. Zayats, S.M. *Mifologicheskie i bibleyskie obrazy v poezii Maksimiliana Voloshina v kontekste ego dukhovnykh iskaniy*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Mythological and biblical images in the poetry of Maximilian Voloshin in the context of his spiritual quest. Abstract diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2009. 21 p.
4. Porol', O.A., Prosvirkina, I.I., Dmitrieva, N.M. Motivy nachala i kontsa v bibleyskom diskurse M. Voloshina [Motives of beginning and end in M. Voloshin's biblical discourse] in *Vestnik OGU*, 2014, no. 11(172), pp. 68–72.
5. Rychkov, A.L., Miroshnichenko, N.M. VI. Solov'ev v lichnoy biblioteke i tvorchestve M.A. Voloshina [V. Solovyov in M.A. Voloshin's Private Library and Creative Works], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2012, issue 2, pp. 124–161.
6. Voloshin, M.A. *Stikhotvoreniya i poemy 1899–1926 gg.* [Poetry and Poems 1899–1926], in Voloshin, M.A. *Sobranie sochineniy. T. I.* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow, 2003, pp. 11–424.
7. Averintsev, S.S. *Obraz antichnosti* [The Image of Classical Antiquity]. Saint-Petersburg, 2004. 480 p.
8. Mendelevich, E.S. *Istoriya v poeticheskom mire Maximiliana Voloshina* [History in the poetic world of Maximilian Voloshin]. Orel, 2004. 224 p.
9. Katull Gay Valeriy. Attis [The Attis], in Katull Gay Valeriy. *Kniga stikhotvoreniy* [The book of poems]. Moscow, 1986, pp. 137–141.
10. Voloshin, M.A. *Stikhotvoreniya i poemy 1891–1931 gg.* [Poetry 1891–1931], in Voloshin, M.A. *Sobranie sochineniy. T. 2.* [Collected Works. Vol. 2]. Moscow, 2004, pp. 7–637.
11. Albert Marie-Aude. Le Judas de Maksimilian Vološin: pierre d'achoppement ou pierre angulaire de l'Évangile? *Revue des études slaves*, 2006, vol. 77, issue 4, pp. 611–626.
12. Voloshin, M.A. Videnie Iezekiilya [The Vision of Ezekiel], in Voloshin, M.A. *Sobranie sochineniy. T. VI. Kn. 2* [Collected Works. Vol. VI. Book 2]. Moscow, 2008, p. 52–53.
13. Voloshin, M.A. Puti Erosa [The ways of Eros], in Voloshin, M.A. *Sobranie sochineniy. T. VI. Kn. 2* [Collected Works. Vol. VI. Book 2]. Moscow, 2008, pp. 208–235.
14. Aristova (Tinnikova), A.S. Obraz prirodnoy stikhii v knige M.A. Voloshina «Neopalimaya Kupina» [The image of the element of nature in the book of M.A. Voloshin «The Burning bush»], in *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2017, no. 3(42), pp. 123–136.
15. Gibson, A. The Image of Judas in the Work of M.A. Voloshin. *The Russian Review*, 1998, vol. 57, no. 2 (April), pp. 264–278.